

Старообрядцы и Наполеонъ.

I.

Очень популярно мнѣніе, что старообрядцы Преображенскаго кладбища въ 1812 году измѣнили Россію и предались на сторону Наполеона. Многие по невѣжеству своему смѣшиваютъ Преображенское кладбище съ другимъ кладбищемъ — Рогожскимъ и измѣну приписываютъ этому послѣднему. Такъ, во время бородинскихъ торжествъ въ Москвѣ была выпущена какимъ-то предпринимателемъ грубая, безграмотная открытка, на которой изображенъ Наполеонъ съ маршалами, принимающій изъ рукъ трехъ колѣнопреклоненныхъ старообрядцевъ хлѣбъ-соль. Вдали въ воротахъ стоитъ толпа съ хоругвями, впереди которой почему-то монахъ въ клобукѣ. Подпись такая:

„Депутація старообрядцевъ Рогожскаго кладбища къ Наполеону. Старообрядцы Рогожскаго кладбища съ почетомъ встрѣтили Наполеона, поднесли ему хлѣбъ-соль и выпросили у него разныя льготы“.

Рогожане обратили на эту поддѣлку вниманіе московской администраціи. Градоначальникъ заставилъ предпринимателя измѣнить подпись. Тотъ вмѣсто „Рогожскаго“ написалъ „Преображенскаго“.

Разсказъ объ измѣнѣ старообрядцевъ Θεодосѣевскаго согласія передается въ такой формѣ. У меня въ рукахъ брошюра неизвѣстнаго автора, выпущенная въ Москвѣ въ 1901 году подъ заглавіемъ: „Преображенское кладбище и его прошлое“. Здѣсь собраны въ одно цѣлое всѣ варіаціи на тему объ измѣ-

были станки для печатанія фальшивыхъ русскихъ ассигнацій. Когда къ стѣнамъ кладбища подходили мародерствующія французскія войска, жандармы не пускали ихъ и указывали на охраняемыя наполеоновскіе листы. Тѣ уходили. Когда Наполеонъ убѣгалъ изъ Москвы, за его разбитой арміей вѣхала стая распутныхъ женщинъ и нѣсколько еедосѣвокъ — безбрачницъ, сбѣжавшихъ съ кладбища.

Этотъ разсказъ варьировался въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, впадая подчасъ въ противорѣчія и допуская неясности. Такъ, нѣкоторые источники соединяютъ измѣну 1812 г. съ именами тѣхъ старообрядческихъ наставниковъ, которые, какъ говоритъ даже сама цитированная нами брошюра, не были въ это время въ Москвѣ. Въ самой брошюрѣ зяетъ огромная брешь: сообщается о развратѣ французскихъ жандармовъ, охранявшихъ кладбище, съ старообрядками, а между тѣмъ сообщается, что всѣ молодыя женщины и дѣвушки были вывезены изъ Москвы въ село Ивановское. Но дѣло теперь не въ подробностяхъ и не въ противорѣчїяхъ, которыя, конечно, могли бы найти себѣ оправданіе. Сейчасъ, черезъ 100 лѣтъ, выясняется, что вообще никакой измѣны старообрядцы не совершали. Присутствіе караула изъ французскихъ солдатъ, дѣйствительно стоявшаго на кладбищѣ, объясняется самымъ естественнымъ образомъ.

II.

Старообрядецъ еедосѣвскаго согласія Г. Е. Смирновъ передалъ въ наше распоряженіе написанную полу-уставомъ пожелтѣвшую отъ времени рукопись письма отъ 23 ноября 1814 года нѣкоего Ивана Маркова, жившаго въ то время на Преображенскомъ кладбищѣ. Къ этому Маркову отъ провинціальнаго старообрядца Степана Федоровича поступилъ запросъ, какимъ чудомъ уцѣлѣлъ преображенскій богадѣленный домъ отъ французскаго нашествія. Марковъ приводитъ въ отвѣтъ на запросъ разсказъ, продиктованный ему „отцомъ Тимоѣемъ Емельянычемъ“, который „сіе плачевное время пребывалъ во обители неотступно“. Вотъ это письмо въ подлинномъ видѣ.

Милостивый государь мой, батюшко
Стефанъ Федоровичъ!

„При всякомъ благополучіи желаю вамъ душевнаго спасенія и тѣлеснаго благопребыванія на многія лѣта и о Христѣ радоватися.

Почтеннѣйшее ваше рукописаніе къ нашей худости получено во всякомъ благополучіи и содержаніе онаго разсмотрѣно съ потщаніемъ елика смыслу нашего достизаетъ, въ которомъ находится прошеніе ваше о несчастномъ случаѣ, послѣдовавшемъ отъ французскаго бонопарта въ царствующемъ градѣ Москвѣ преображенскому богадѣльному дому и въ ономъ о Христѣ живущимъ братіямъ и сіе азъ недостойный надолзѣ разсуждахъ своимъ скудоуміемъ, яко грубъ и невѣжда есть, какъ могу коснуться сего великаго страха и трепета, о которомъ хотя кто и коротко извѣстенъ, но сказываютъ умеренно (а кто ничего не знаетъ, тотъ болтаетъ слишкомъ) и находясь въ такомъ безпокойствіи принужденъ бысть прибѣгнуть къ вѣрной оказіи къ Отцу Тимоею Емельяновичу, которой любопытный сей и вѣрный мужъ и сіе плачевное время пребывалъ въ обители не отступно и похвалы достойный, что не преминулъ о бономъ происхожденіи и письменно изъяснить и на словахъ разсказываетъ безвсякаго пристрастія и несожженной совѣстью въ такомъ случаѣ по просьбѣ нашей и не преминулъ удовольствоваться мѣня своимъ повѣствованіемъ, елико словеснымъ, коими паче своимъ собственнымъ рукописаніемъ, съ котораго при семъ письмѣ и прилагается вѣрная копія безъ всякаго изъятія слово въ слово“.

Исторія объ шествіи Наполеона въ царствующій градъ Москву и како въ сіе время сохранилась христіанская обитель Преображенія — богадѣльный домъ.

Въ лѣто отъ мирозданія 7320-го мѣсяца сентября 2-го дня, Божіимъ попущеніемъ предаль Господь грѣхъ ради нашихъ царствующій градъ Москву въ руки злочестивому врагу французскому Наполеону Бонапарте. И по вшествіи своемъ въ Москву въ 5 число, то-есть въ четвертокъ въ 10 часу по утру, приходили три француза, и усиливались крѣпко въ переднія ворота на дворъ, но однако милостію Божіею и Пресвятыя Его Матери и святыхъ отецъ молитвами въ то время сохранены были даже и до третьяго часа пополудни тогожь дня. И потомъ пріѣхалъ къ намъ французскій адъютантъ со двумя своимъ солдатомъ къ симже вратамъ. И у воротъ постоялъ. На дворъ посмотрѣлъ, а ничего не спросилъ, и тако поѣхалъ отъ насъ въ Матросскую богадѣльню, а тамо взялъ съ собою семь

человѣкъ французскихъ солдатъ, и переводчика, нашего русскаго, знающаго французскій языкъ. И они были всѣ вооруженныя конныя, и пріѣхали къ самымъ воротамъ, и стали чрезъ переводчика насъ спрашивать: что тутъ живутъ за люди? Тогда мы собравшись все престарѣлыя, слѣпыя и хромыя и убогія, и вся больничная братія, — возмутились и востречетали въ отчаяніи своея жизни, не знали, что намъ будетъ, какое отъ Бога милосердіе, или за наши грѣхи наказаніе, и стали имъ отвѣчать черезъ того переводчика, что здѣсь жительство московскаго общества купецкая богадѣльня для престарѣлыхъ и больныхъ и убогихъ мужеской дворъ, а другой также для престарѣлыхъ старухъ женской дворъ. Маеръ выслушавъ отъ насъ такой отвѣтъ чрезъ переводчика, и сказалъ: „я желаю здѣсь имѣть квартиру, и при себѣ имѣть караульныхъ, кои будутъ сохранять сіе мѣсто отъ нашихъ праздношатающихся французовъ. Только есть ли у васъ сѣно, овесъ, вино и пиво, или водка, говядина, куры, яйца, коровье масло, творогъ и прочіе сѣстные припасы?“. На сіе мы отвѣчали, что квартера для васъ будетъ опорожнена и справлена, а вина, пива и водки у насъ не имѣется, а сѣстныхъ припасовъ, что есть у насъ, то и сказали всю правду, а чего нѣтъ, того и не сказывали.

А о вѣрѣ и исповѣданіи и согласіи никакого ни спросу, ни истязанія не было. И потомъ отворили наши ворота, и въѣхали на дворъ всѣ и спросили, что гдѣ у васъ конюшня? И поставили своихъ коней и сами стали по двору расхаживать, и потомъ спросилъ: много ли у васъ коровъ? Мы сказали тридцать. И говорить: мнѣ потребно пять коровъ, которые бы молока не доятъ. Еще дайте масла и творогу и куръ, яицъ, муки и прочихъ сѣстныхъ припасовъ. И тако все оное ему исполнено безотговорочно. Получа онъ сіе, отъ насъ въ то время и отъѣхалъ, а караульныхъ при нашемъ мѣстѣ оставилъ. И стояли у насъ честно и обидъ никому ничего не творили. Пили и ѣли все наше братское, что когда случится. Большихъ припасовъ не спрашивали и каждой день смѣнялись: то тѣ, то другіе.

И тако сохранилась наша обитель до десятаго дня сохранно, и никакихъ наѣздовъ и страховъ не было. И потомъ восьмомъ часу поутра пріѣхали французовъ вооруженныхъ конныхъ человѣкъ до пятидесять или болѣе. И стали усильствомъ и разбоемъ коровій дворъ разбивать. И всякими мѣрами въ него влѣсть, что одному и удалось чрезъ ворота перелѣсть. И ворота отперъ и отворилъ и всѣхъ оныхъ на дворъ впустилъ.

Что увидя стоящія у насъ караульныя солдаты и переводчикъ, и нашъ хозяинъ Алексѣй Никифоровичъ. Подошедъ къ нимъ стали отъ разоренія защищать, отъ чего и сдѣлалась между оными французами и нашими караульными и переводчикомъ не малая штурма и споръ, даже до обнаженія саблей.

Мы же вышедши за ворота стоимъ и глядимъ на нихъ. А что дѣлать не знаемъ, токмо воздѣвши руцѣ со умиленіемъ и со слезами призываемъ въ помощь всемогущаго Бога Господа нашего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь, Владычицу нашу Богородицу и Присно Дѣву Марію, крѣпкую помощницу и заступницу и всѣхъ Святыхъ. И тако неизреченною милостию Божіею и щедротами, караульныя наши и переводчикъ, по многомъ разглагольствіи, свирѣпство ихъ преодолѣли и отъ расхищенія и разбою защитили. И они отѣхали всѣ прочь безо всякаго намъ огорченія. Сіе видѣвши наши караульныя тотже часъ послали съ рапортомъ о случившемся нападеніи къ своему коменданту. О чемъ вскорѣ на другой же день отъ него и присланъ оной предиреченный маеръ. И привезъ съ собою указъ, писанной на французскомъ языкѣ, которой и прибитъ былъ на воротахъ коровьяго двора. Къ тому уже смотря на оной, не смѣлъ никто прикоснуться. И потомъ остался у насъ вобители самъ стоять на кварталѣ, и занималъ покой въ конторѣ, пять дней никуда не выѣзжалъ. Проживалъ весьма спокойно, никакихъ обидъ намъ не чинилъ. И продолжалось все оное время покровительствомъ Божіимъ до седьмого на десять числа. И по семъ собравшись отъ насъ ноцію въ 12-мъ часу съѣхалъ. На отѣздѣ намъ сказалъ послѣднее слово: „Прощайте, мнѣ съ вами вѣкъ не видаться“. И все оное было говорено чрезъ переводчика, и отъ него намъ дано знать. И потомъ спустя послѣ его отѣзда два дня, пріѣхали къ намъ французскіе начальники, комендантъ и губернаторъ и протчіе ихъ чиновники съ командою солдатъ осматривать наше жительство и все наше состоящееся въ немъ имѣніе. И взѣхали прямо на дворъ и стали по двору ходить и смотрѣть, а намъ ничего неизвѣстно, какое ихъ намѣреніе, и что съ нами хотятъ дѣлать. Только на нихъ смотримъ съ великимъ страхомъ и трепетомъ.

Во-первыхъ, взошли въ келію отца Сергѣя Яковлевича, потомъ къ Тимоѣю Емельновичу. И вездѣ смотрятъ и оглядываютъ, какъ въ кельяхъ, такъ и подъ кельями, а чего ищутъ, намъ неизвѣстно. И потомъ пошли смотрѣть въ амбаръ, гдѣ у насъ мука лежитъ, и въ кладовую и въ свѣчную восковую

избу и въ хлѣбную. И все оное осмотрѣли и съ великимъ потщаніемъ и прилежаніемъ. А мы собравшись, издали только ходимъ за ними и смотримъ, что будетъ. Потомъ взошли въ больницу, и въ то время случилось у насъ стоять надъ умершимъ погребеніе, и на могилы понесли съ пѣніемъ Святыи Боже. И они все оное видѣли, а намъ никакого слова не сказали. И съ мужескаго двора прямо пошли на женскій дворъ. И тамо вездѣ осмотрѣли. Вошедши въ одну кладовую и увидѣли, что въ ней стоятъ убогихъ старухъ сундучки и коробки, сумки и разныя узелки. И вышедъ вонъ стали между собою говорить, что это не добрѣ. И по семъ пошли въ моленную на ворота. И тогда случилось въ самую вечерню, и смотрѣли они на святыя иконы, и чинъ церковный съ великимъ прилежаніемъ, и главами своими зыбали. И тако возвратились назадъ и между собою разговаривали на своемъ языкѣ, что это добрѣ. Это шпиталь. Намъ же только оное и разумное, а прочее, что разговариваютъ, неизвѣстно. Только сказали переводчику: мы сюда пріѣхали за тѣмъ, что русскіе обыватели доказываютъ, что здѣсь хранится множество имѣнія московскихъ купцовъ и здѣшняго хозяина напитоковъ и протчаго на многіе милліоны. А это, что нами у нихъ осмотрѣно, то имъ и самимъ ѣсть будетъ мало, и не на долгое время. А отъ нашего императора приказу нѣтъ разворять больницы и всѣ убогія мѣста. И съ тѣмъ поѣхали отъ насъ, а караульныя остались у насъ. И приказали имъ накрѣпко соблюдать наше мѣсто отъ всякихъ праздношатающихся солдатъ и никого не пущать. И тако они по приказу своихъ начальниковъ и сохраняли насъ съ великимъ прилежаніемъ. А стояли не все одни, но перемѣнялись на каждый день,—то тѣ, то другіе.

И продолжалось это время октября по 10-е число и потомъ вдругъ сдѣлалось въ Москвѣ страшное землетрясеніе отъ порохового взорванія. И отъ несчастнаго сего приключенія и ужаснаго удара разрушилась Ивановская колокольня, Алексѣевская башня, чахаусъ, Никольскія ворота и городская стѣна въ двухъ мѣстахъ, на что и смотрѣть было страшно. Такожде и по близости того мѣста многіе палаты претерпѣли поврежденіе, а въ рѣдкомъ окнѣ остались цѣлыя рамы и стекла. И это было нощію, часу во второмъ за полночь. И мы въ то время стояли полунощницу, и у насъ отъ того трясенія многія иконы съ мѣсть попадали, и вдругъ сдѣлался изъ пушки ужасный выстрѣлъ. И бысть въ Москвѣ великой шумъ трубнаго гудѣнія два дня и двѣ нощи непрестанно. И наши караульныя, ни

мѣшкавъ ни малаго часу въ полнощъ отъ насъ собрались, ушли. И тако неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ освободися царствующій градъ Москва отъ ига французскаго, октября въ 12 день. До здѣ изъ списка отца Тимоѳея Емельяныча.

Впротчемъ, милостивый государь, батюшко, Стефанъ Ѳеодорычъ, прошу извинить, кромѣ сего истиннаго свидѣтельства изобрѣсть болѣе не могу. А если вамъ угодно обо всемъ знать коротко, то объ ономъ печатаются вновь гражданскія книжки, а именно журналъ наполеоновыхъ знаменитыхъ дѣлъ въ 4-хъ частяхъ, цѣна 8 рублей, и прочихъ еще множество. А отъ наслышанія увѣриться очень сумнительно,—во-первыхъ, наши русскіе ихъ языку незнающіе. Отъ того дѣло происходило очень темно, да притому же и Наполеонъ себя сохранялъ въ великой опасности и строгости, такъ что и свои его видѣть могли и знать немногіе, а прочіе его и вовсе не видали.

И сему вы изволите удивляться, что наша христіанская обитель цѣла сохранилась. Во-первыхъ, Богу было угодно такъ. Другое дѣло сія вѣрность безъ всякаго сомнѣнія, что отъ Наполеона былъ приказъ строгой отнюдь не разорять больницъ, ни богадѣленъ и всякаго общественнаго убогаго мѣста. Таковымъ образомъ сохранилась наша обитель, цѣла осталась Матросская богадѣльня, цѣла осталась у Сухаревой башни Шереметьевская больница, цѣла осталась у Калудцкихъ воротъ Голицынская больница, цѣла осталась вошпиталь Лафертовская и прочіе убогіе мѣста.

При семъ покорно васъ прошу меня извинить, что такъ долгое время происходило извѣстіе до васъ не послано затѣмъ, что при нашемъ мѣстѣ не скоро узнать можно путешественника въ наше селеніе. Остаюсь во услугахъ вашихъ покорнымъ слугою навсегда“.

23 Ноября 1814 года, гор. Москва.

Иванъ Марковъ.

Такимъ образомъ, въ правдивомъ разказѣ Тимоѳея Емельяновича устанавливаются опредѣленно такіе факты: ни Наполеонъ, ни Мюратъ на кладбищѣ не были. Караулъ былъ поставленъ не 2 сентября, а 5 и безъ всякой просьбы со стороны преобразенцевъ, а потому, что кладбище не было оставлено жителями. Опредѣленнаго отряда здѣсь не было, караульные солдаты смѣнялись ежедневно и находились въ вѣдѣніи начальника караула, стоявшаго въ Матросской богадѣльнѣ. 17-го сентября было нападеніе на коровій дворъ кладбища со стороны французскихъ

солдатъ; расхищеніе было предотвращено. На воротахъ двора былъ вывѣшенъ на французскомъ языкѣ приказъ, запрещающій нападенія. На кладбищѣ поселился самъ маіоръ. Однажды на кладбищѣ были французскіе комендантъ и губернаторъ. Они получили доносъ, что здѣсь хранятся большіе капиталы и огромные запасы пищевыхъ продуктовъ и вина. Были осмотрѣны кладовыя и погреба. Съѣстныхъ запасовъ оказалось немного.

Иванъ Марковъ передаетъ, что отъ Наполеона былъ строгій приказъ не разорять больницы и богадѣленъ. Этимъ объясняется, что вмѣстѣ съ преображенскимъ богадѣльнымъ домомъ были сохранены: православная Матросская богадѣльня, Шереметьевская и Голицынская больницы и Лефортовскій госпиталь. Въ Екатерининской Императорской, у Матросскаго моста, богадѣльнѣ стоялъ такъ же, какъ и на Преображенскомъ кладбищѣ, караулъ французскихъ войскъ. Несомнѣнно, такіе же караулы стояли и во всѣхъ другихъ больницахъ и богадѣльняхъ.

Такимъ образомъ, найденная рукопись снимаетъ съ старообрядцевъ, — которые, кстати сказать, всегда были вѣрнопопдан-ными, — темное пятно измѣны. Но не одна эта рукопись уничтожаетъ обвиненіе въ измѣнѣ. Существуютъ цѣлый рядъ другихъ яркихъ доказательствъ. Съ этими доказательствами необходимо ознакомиться, чтобы оцѣнить по достоинству приведенный въ анонимной полемической брошюрѣ рассказъ о предательствѣ старообрядцевъ.

III.

Намъ приходилось бесѣдовать съ стариками-старообрядцами, которые слышали о двѣнадцатомъ годѣ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Никто изъ нихъ не передавалъ о томъ, что ихъ предки перешли на сторону Наполеона. Даже намекъ на это нѣтъ въ ихъ правдивыхъ разсказахъ. Если бы измѣна была — она бы дошла до насъ въ тѣхъ или другихъ очертаніяхъ. Старики разсказываютъ близко къ разсказу Тимоея Емельяновича. И ихъ рассказъ такой же правдоподобный и естественный, какъ и рассказъ этого очевидца.

Отъ того времени осталось только одно указаніе на какое-то искательство старообрядцевъ передъ Наполеономъ. Это письмо московскаго генералъ-губернатора, графа Растопчина. Въ то время, какъ Наполеонъ былъ въ Москвѣ, графъ доносилъ Императору Александру I, изъ Владиміра, отъ 1 октября: „Раскольники ищутъ его (т.-е. Наполеона) покровительства и по-

лучили предписанію предоставить свои дома французамъ“. Но все говоритъ за то, что графъ передавалъ слухъ, пущенный по вѣтру; кто-нибудь видѣлъ караулъ, приставленный къ Преображенскому кладбищу, и подумалъ, что старообрядцы передались французамъ. А придумавши такъ, донесъ графу Растопчину. Этому могъ повѣрить московскій генералъ-губернаторъ, такъ какъ зналъ, что старообрядцы имѣли основаніе быть недовольными русскимъ правительствомъ за религіозныя гоненія и преслѣдованія. Но характерно, что онъ говоритъ только въ общей фразѣ: „раскольники ищутъ покровительства“, не упоминая ни о быкѣ съ раззолоченными рогами, ни о блюдѣ червонцевъ, ни о посѣщеніи Наполеономъ кладбища. Но что больше всего увѣряетъ насъ въ томъ, что доносъ графа Растопчина былъ основанъ на ложныхъ слухахъ, это—отсутствіе суда надъ старообрядцами послѣ ухода Наполеона изъ Россіи. Несомнѣнно, слухъ объ измѣнѣ старообрядцевъ былъ провѣренъ правительствомъ, въ частности, гр. Растопчинымъ—и оказался ложнымъ. Не возникло ни судебного дѣла, ни вообще какого-нибудь обвиненія. Просто—сплетню предали забвенію. И до 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, никому не приходило въ голову ворошить эту сплетню и поднимать ее. Но въ концѣ 50-хъ годовъ она появилась, нашла себѣ защитниковъ и пропагандистовъ въ лицѣ противниковъ старообрядческаго исповѣданія, которыхъ всегда было очень много.

В. Сенатовъ, единовѣрецъ по религіозной принадлежности, и бывшій помощникъ В. М. Скворцова по редактированію „Колокола“,—тщательно изучилъ дѣло объ измѣнѣ въ 1812 г. старообрядцевъ и пришелъ къ выводу, что измѣны никакой не было. Я приведу его доказательства.

Легенда объ измѣнѣ была выдумана, по всей вѣроятности, московскимъ единовѣрцемъ А. Сорокинымъ. Онъ былъ очень порочный человѣкъ вообще (былъ обвиненъ въ поддѣлкѣ документовъ, фальшивыхъ завѣщаній и т. п.), и къ Преображенскому кладбищу, какъ ренегатъ, относился особенно враждебно. Въ началѣ 60-хъ лѣтъ легенда эта впервые появилась въ печати, въ сборникѣ Кельсіева. Но здѣсь она находится въ сжатомъ видѣ. Наставники Семень Кузьмичъ и Пафнутіи Леонтьевичъ нашли переводчика и изъявили покорность Наполеону и для охраны кладовой выпросили караулъ. Никакихъ другихъ подробностей тамъ нѣтъ. Черезъ два года въ статьѣ проф. Субботина легенда эта выросла въ подробный рассказъ какъ А. Никифоровъ съ другими старѣйшими измѣнили Россіи

Они явились къ Наполеону, признали его своимъ государемъ, поднесли ему тарелку съ червонцами и подвели быка съ раззолоченными рогами. Наполеонъ благосклонно принялъ дары, приказалъ охранять кладбище карауломъ. Вскорѣ онъ самъ въ сопровожденіи Мюрата былъ здѣсь. Его встрѣтили торжественно, какъ государя. Въ награду за такую покорность, Наполеонъ приказалъ перевести сюда станки для печатанія русскихъ ассигнацій, чѣмъ преображенцы воспользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Позже эта легенда расширяется еще болѣе, уснащается новыми подробностями. Къ Наполеону преображенцы являются на Поклонной горѣ, во время проѣзда его около Охотнаго ряда, мимо бывшаго дома И. А. Ковылина, предъ нимъ становятся на колѣни въ грязи. Приводится текстъ вѣрно-подданическаго обращенія къ Наполеону. Объ его вступленіи въ Москву совершаются торжественныя молебствія, его имя постоянно поминается за всѣми богослуженіями. Во главѣ этихъ дѣятелей - измѣнниковъ ставятся Федоръ Алексѣевичъ Гучковъ и Семенъ Кувьмичъ. Жандармамъ были отданы молодыя женщины для плотскихъ удовольствій, поэтому въ послѣдствіи община увеличилась многими новыми молодыми членами, смѣшанной крови—русской и французской.

Комната, гдѣ стояли печатныя станки, стала почитаться святыней и ее показывали до 1846 года.

Въ официальныхъ документахъ нѣтъ никакихъ указаній на измѣну. Г. Васильевъ прослѣдилъ исторію Преображенскаго кладбища по документамъ, хранящимся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Никакихъ слѣдовъ этой легенды онъ не нашелъ. Приводя въ „Христіанскомъ Читеніи“ (1887 г. декабрь) рассказъ объ измѣнѣ по статьѣ Субботина, онъ замѣчаетъ, что всѣ эти рассказы „не имѣютъ фактической достовѣрности“.

Въ 1816 году между важнѣйшими прихожанами кладбища возникъ раздоръ по вопросу о попечителяхъ. Раздоръ продолжался долго и сопровождался доносами другъ на друга. Нѣкій Осиповъ, между прочимъ, донесъ, что на кладбищѣ укрываются бѣглецы и въ томъ числѣ Сергѣй Семеновичъ Гнусинъ. Доносъ молкій, и правительство не придало ему никакого значенія. Является вопросъ, почему Осиповъ избралъ предметомъ своего доноса такое сомнительное обстоятельство, почему онъ не воспользовался для своей цѣли измѣною въ 1812 году? Очевидно, что объ этой измѣнѣ тогда, черезъ пять лѣтъ, ничего не было извѣстно какъ между постоянными жителями кладбища, такъ и между его прихожанами.

Въ 1817 году Императоръ Александръ I потребовалъ, чтобы ему были представлены свѣдѣнія о всѣхъ московскихъ монастыряхъ и церквахъ,—не было ли духовенствомъ учинено какой-либо измѣны въ 1812 г. Возникло слѣдственное дѣло. Если бы была какая-либо измѣна со стороны Преображенскаго кладбища, духовныя власти выставили бы его на первомъ мѣстѣ. Но кладбище не было даже задѣто этимъ слѣдствиемъ. Несомнѣнно, что о переходѣ кладбища на сторону Наполеона тогда не имѣлось даже никакихъ самыхъ слабыхъ подозрѣній. При малѣйшей подозрительности оно было бы привлечено къ отвѣтственности и потерпѣло бы тяжкую кару, такъ какъ въ то время правительство уже начинало смотрѣть подозрительно на старообрядцевъ.

Въ продолженіе 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ гг. почти не прекращались правительственныя разслѣдованія о кладбищѣ. Кончалось одно слѣдствіе, начиналось другое, или даже заразъ велось нѣсколько слѣдствій. Однако, не возникло никакихъ намековъ на измѣну въ 1812 году. Все это представляется болѣе чѣмъ понятнымъ и свидѣлствуетъ только о томъ, что объ измѣнѣ не было ни слуху, ни духу, что никому не приходило въ голову выставить такое существенное обвиненіе. Власти старались уличить кладбище во всевозможныхъ преступленіяхъ, но объ измѣнѣ не говорили ни слова. Въ 1844—47 г.г. за кладбищемъ былъ установленъ тщательный надзоръ, но опять объ измѣнѣ ни слова.

Въ 1850—54 г.г. о кладбищѣ велъ слѣдственное дѣло чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Безакъ. Онъ тщательнѣйшимъ образомъ копался въ исторіи кладбища. Свѣдѣнія объ измѣнѣ для него явились бы кладомъ. Но и онъ не открылъ этого преступленія, такъ какъ его никогда не было. Тотъ самый „отецъ“ Пафнутіи Леонтьевичъ, которому проф. Субботинъ приписываетъ руководство измѣной, былъ въ 50-хъ годахъ заключенъ Безакомъ въ острогъ, гдѣ и умеръ. Но Безакъ могъ обвинить его только въ устройствѣ монастыря безъ разрѣшенія. Надъ А. Никифоровымъ, остававшимся въ 1812 г. на кладбищѣ, тоже велось слѣдствіе въ 40-хъ годахъ, но измѣну не вмѣняли ему въ вину, потому что ея не было. Кромѣ того, легенда объ измѣнѣ указываетъ какъ на руководителей—на Ѳ. А. Гучкова и Семена Кузьмича. Но въ актахъ Преображенскаго кладбища 1810—1812 г.г. нѣтъ указаній на ихъ общественную дѣятельность въ то время. И тотъ и другой были видными старообрядцами гораздо позже: — Семень Кузьмичъ въ

40-хъ годахъ, а Ѳедоръ Алексѣевичъ Гучковъ — въ 50-хъ. Кромѣ того, оба они въ послѣдствіи пострадали: Семень Кузьмичъ былъ сосланъ въ Полтаву, а Ѳ. А. Гучковъ—въ Петрозаводскъ. Но никто изъ нихъ не былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ 1812 года. Правительство съ чрезвычайною тщательностью отыскивало въ дѣятельности и жизни, именно этихъ лицъ, слѣдовъ преступленія и должно было ограничиться обвиненіемъ Пафнутія Леонтьевича въ устройствѣ и содержаніи монастыря безъ правительственнаго разрѣшенія, Ѳ. А. Гучкова въ управленіи капиталами Преображенскаго кладбища, безъ вѣдома московскихъ губернскихъ властей. Ясно, что въ 1854 г. не было никакихъ слѣдовъ объ измѣнѣ ими въ 1812 году. Такое обвиненіе было взвалено на нихъ, только послѣ ихъ смерти.

Въ легендѣ объ измѣнѣ фигурируетъ имя старообрядческаго писателя того времени—С. С. Гнусина. Но факты говорятъ и противъ этого обвиненія. Приблизительно чрезъ шесть лѣтъ послѣ 1812 года противъ него со стороны главарей кладбища, желавшихъ введенія брака и молитвы за царя, былъ доносъ, что онъ—бѣглый, проживаетъ подъ чужимъ именемъ и защищаетъ ученіе о недѣйствительности невѣнчаннаго брака. Но объ измѣнѣ и они ни слова. Благодаря доносу, о Гнусинѣ велось обширное слѣдственное дѣло, его самого искали въ теченіе шести лѣтъ. Онъ былъ арестованъ въ монастырѣ тогдашняго виднаго дѣятеля Н. А. Папулина, въ г. Судиславль, 15 мая 1824 года и сосланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ 27-го іюня 1889 года. Во всѣ эти 15 лѣтъ слѣдственное дѣло объ немъ не прекращалось. Но обвиненія въ государственной измѣнѣ не было къ нему предъявлено.

Измѣны не было. Она выдумана...

Можно относиться какъ угодно къ старообрядческому вѣроисповѣданію, оспаривать вѣрованія старообрядцевъ и полемизировать съ ними, но обвинять ихъ въ тяжкомъ государственномъ преступленіи, въ какомъ они не виновны, не могутъ позволить полемисты, уважающіе себя и истину. Нужно снять съ старообрядцевъ тяжелое, незаслуженное обвиненіе и послать упрекъ ошибкамъ прошлаго времени...

А. Панкратовъ.

